

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ
ВЕК
БРИТАНСКОГО
ДЕТЕКТИВА

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО
ДЕТЕКТИВА

издательство
АСТРЕЛЬ

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО ДЕТЕКТИВА

Об этой книге	5
Слова благодарности	7
<i>Александра Борисенко</i> Золотой век британского детектива	9

Дж. С. ФЛЕТЧЕР	39
Показания судьи	41
Рой ВИКЕРС	53
Образцовая подделка	56
Г. К. БЕЙЛИ	71
Длинный курган	73
Эдгар ДЖЕПСОН и РОБЕРТ ЮСТАС	95
Чайный лист	97
АГАТА КРИСТИ	115
Изумруд раджи	118
Пуаро и родосский треугольник	131
Дж. Д. Х. КОУЛ и МАРГАРЕТ КОУЛ	153
У телефона	155
Энтони БЕРКЛИ	173
Карающий случай	175
Г. УОРНЕР АЛЛЕН	193
Вино кометы	195
Рональд А. НОКС	207
Методом пристального взгляда	209
Лорд ДАНСЕНИ	221
Две бутылки приправы	223
Лоэль ЙЕО	235
Дознание	237
Дороти СЭЙЕРС	255
Убийство в Пентекост-колледже	258
Толбойз	268
Генри УЭЙД	287
Пропавший студент	289
ФРИМЕН УИЛЛС КРОФТС	303
Железнодорожный переезд	305
Найо МАРШ	317
Смерть в эфире	319

Лесли ЧАРТЕРИС	343
Человек, который любил игрушки	345
Уилл Скотт	361
Голубая улика	363
Г. К. ЧЕСТЕРТОН	377
Деревенский вампир	381
МАРДЖЕРИ АЛЛИНГЕМ	399
Старик в окне	401
Сирил Хэйр	421
Загадочная смерть Эми Робсарт	423
Э. К. БЕНТЛИ	445
Настоящий табар	447
Ангел-хранитель	463
Николас Блейк	477
Клуб убийц	479
Дэвид Винзер	489
Убийство накануне регаты	491
Ричард Кеверн	503
Железное алиби	505
КАРТЕР ДИКСОН	521
Дом в Гоблинском лесу	523
Джозефина Белл	543
Смерть в больничной палате	545
Николас Бентли	553
Бдительный ювелир	555
Энтони Гилберт	563
Черный — цвет невинности	565
А. А. Милн	573
Хлеб по водам	575
Алан Томас	583
Сила привычки	585

КОММЕНТАРИЙ*

От войны до войны: "длинный уик-энд"	595
Дворецкий и другие слуги	596
Загородный дом	601
Столичная жизнь	607
Мир иллюзий	616
Иностранцы	619
Дела семейные	625
Оксфорд и Кембридж	633
Англиканская церковь	641
Мода на археологию	650
Медицина	657
Морские купания	666
Транспортная революция	672
Орудия убийства и технический прогресс	678
Детектив и громкие преступления века	682
Клерихью и поэзия нонсенса	690
Шерлок Холмс	697

ГЛОССАРИЙ

.....	704
Список иллюстраций к рассказам ..	723
Литература	724

* Осторожно: в комментарии могут быть раскрыты сюжетные ходы некоторых рассказов.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

T55

Все права на произведения, включенные в настоящее издание, принадлежат авторам и их наследникам.

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко, Дмитрия Черногаева

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Научные редакторы: Александра Борисенко, Виктор Соськин

T55 **Только не дворецкий.** Золотой век британского детектива : новеллы / Пер. с англ.; Составление А. Борисенко, В. Соськина. — М.: Астрель : CORPUS, 2012. — 728 с.

ISBN 978-5-271-38533-9 (000 "Издательство Астрель")

Золотой век британского детектива — это Г. К. Честертон, Агата Кристи, Дороти Л. Сэйерс; это автор "Винни-Пуха" А. А. Милн, поэт Сесил Дэй-Люис, а также множество других очень разных и оригинальных авторов, многие из которых совершенно неизвестны русскому читателю. Все они принадлежали к одному кругу, общались, дружили и превратили написание детективов в увлекательную интеллектуальную игру. Они создали Детективный клуб с целой системой правил и ритуалов, сочиняли коллективные описания и пытались разгадывать реальные преступления. Все это легкомысленное, веселое творчество пришлось главным образом на двадцатые–тридцатые годы XX века — мирный промежуток между двумя страшными войнами. Тревожная, бесшабашная, ностальгическая эпоха застыла в детективных рассказах, словно муха в янтаре, — читателю остается лишь перевернуть страницу и погрузиться в этот интереснейший мир. Книга проиллюстрирована рисунками из журналов 1920–1930-х годов, снабжена предисловием, комментарием и глоссарием в картинках.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-271-38533-9 (000 "Издательство Астрель")

- © А. Борисенко, В. Соськин, составление, научное редактирование, 2011
- © А. Борисенко, предисловие, 2011
- © Участники семинара А. Борисенко и В. Соськина, перевод, комментарий, глоссарий, 2011
- © А. Бондаренко, Д. Черногаев, художественное оформление, макет, 2011
- © ООО "Издательство Астрель", 2011
Издательство CORPUS®

Дж. С. Флетчер

1863–1935

Перевод и вступление Дарьи Горяниной

КАК-ТО РАЗ один из детективов Джозефа Флетчера — двадцать восьмому президенту США, Томасу Вудро Вильсону, восстанавливавшему свои силы после нервного срыва. Президенту так понравилась эта книга, что он назвал ее лучшим детективом, который ему приходилось читать. Можно себе представить, как подскочили продажи книг Флетчера. Между прочим, Вудро Вильсон был единственным президентом США, имевшим докторскую степень, так что он знал толк в литературе.

У Джозефа Флетчера было две страсти — детективы и история его родного Йоркшира, но хотя обе и кормили его при жизни, посмертной славы они ему не обеспечили. Всего он написал почти две с половиной сотни произведений, среди которых детективные рассказы и романы, работы по истории Йоркшира и даже несколько рассказов на йоркширском диалекте английского языка. Он был одним из ведущих авторов Золотого века — умение закручивать сюжет, внимание к деталям и легкость пера, усвоенная во время работы в прессе, помогли ему заслужить любовь читателей. Несмотря на столь богатое литературное наследие, после смерти Флетчера не осталось никаких его личных текстов — ни писем, ни дневников.

J. S. FLETCHER

Джозеф Смит Флетчер родился 7 февраля 1863 года в Галифаксе. Он рано осиротел — его отец, священник, умер, когда сыну было всего восемь месяцев от роду, — и его воспитала бабушка. После учебы в школе Силкоатс в Уэйкфилде он изучал право, но юристом так и не стал. В 20 лет юношу приняли на должность редактора отдела в одну из лондонских газет. Параллельно он писал книги и статьи по истории Йоркшира, а с 1914 года полностью посвятил себя детективу. Как и Конан Дойл, Флетчер всегда говорил, что история для него — любовь, а детективы — средство заработка. Однако убийства и кражи оказались ничуть не менее плодотворной темой, чем загадки истории: всего за двадцать лет Флетчер написал около ста детективных романов и рассказов. Порой на написание книги у него уходило всего несколько недель.

Флетчер был женат на ирландской писательнице Розамонде Лэнгбридж. Скончался он в 1935 году в возрасте 72 лет.

РАССКАЗ “Показания судьи” очень характерен для творчества Флетчера. Его действие происходит в Лондоне — любимом городе писателя, куда он помещал персонажей большинства своих произведений. Этот рассказ не является детективным в полном смысле слова — речь идет о преступлении, но мы следим не за расследованием, а за судебным разбирательством: как мы помним, Флетчер изучал право и собирался стать барристером, так что он писал о судопроизводстве с полным знанием дела.

Сам себя Флетчер характеризовал так: “Я обычный человек, который умеет рассказывать истории и хорошо делает свою работу, а многие современные писатели и этого не умеют”.

© Д. Горянина, перевод на русский язык и вступление, 2011

ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ “ПОКАЗАНИЯ СУДЬИ”
 БЫЛ ОПУБЛИКОВАН В 1919 ГОДУ
 В ЖУРНАЛЕ “РЭД МЭГЭЗИН”.

**THE JUDGE
 CORROBORATES**

//////////////////// THE RED MAGAZINE, 1919. //////////////////////

Д Ж . С . Ф Л Е Т Ч Е Р

Показания судьи

С того момента как Дикинсон арестовал Гэмбла по обвинению в краже со взломом, он никак не мог отделаться от неприятного предчувствия. Все прошло без шума: Гэмбла арестовали в районе Мэйда-Вэйл, когда он в одиночестве выходил из таверны “Гордость Лондона”. Если прохожие что-то и заметили, то только то, что двое хорошо одетых мужчин подошли к третьему хорошо одетому мужчине, обменялись с ним несколькими словами, после чего все трое, словно лучшие друзья, ушли вместе. Но Дикинсону не давали покоя последние слова Гэмбла.

— Вы дали маху, старина, — сказал Гэмбл. — Можете не сомневаться. Вскоре вы в этом убедитесь. А покамест...

А покамест Гэмблу, разумеется, ничего не оставалось, кроме как проследовать в компании двух детективов до ближайшего участка и оказаться под стражей. Гэмбла обвинили в том, что в ночь на 21 ноября он преступным образом проник в дом Мартина Филиппа Тиррела, располагающийся на

Авеню-роуд, Сент-Джонс-Вуд, и похитил оттуда ряд ценных предметов. На это Гэмбл еще раз покачал головой и со смешком сказал:

— На этот раз — мимо, приятель. Не я это был. Так что давайте завязывать с этим делом.

Напарника Дикинсона это озадачило, он усталился на прославленно-го Гэмбла с неподдельным любопытством.

— На что ты рассчитываешь? — спросил он дружелюбно. — Алиби?

— Что-то вроде того, старина, — отвечал Гэмбл. — На этот раз никому не добиться обвинительного заключения против вашего покорного. — Он повернулся и с ухмылкой взглянул на Дикинсона. — Считаете себя большим умником? А зря!

Что бы там ни думали другие, Дикинсон не сомневался в своем уме. Он знал также, что отдал расследованию этого дела много сил. Оно оказалось в его руках с самого начала, и он распутывал его с тем терпением и усердием, которые обеспечили ему высокое положение в Департаменте уголовных расследований. На пер-

вый взгляд случай казался совершенно обычным. Из окруженного садом особняка мистера Тиррела однажды ночью были похищены драгоценности и столовое серебро. Взломщик проделал свою работу аккуратно и бесшумно и покинул дом, не разбудив никого из обитателей. Но он оставил след, а вернее — два следа, которые указывали на его личность. На буфете стоял графин с виски, стаканы и кувшин с водой. Взломщик не удержался от искушения. Он выпил, оставив четкие отпечатки пальцев и на стакане, из которого пил, и на кувшине, из которого наливал воду. Дикинсон был хорошо знаком со сливками криминального общества. Он провел много часов за изучением отпечатков пальцев и, увидев эти, сразу же сказал себе: Джек Гэмбл!

Джек Гэмбл тоже вполне заслужил свою репутацию. Этот ловкий малый неплохо зарабатывал своими талантами. В свободное от взломов и краж время он занимался другими темными делишками, главным образом связанными с лошадьми, — порой оставаясь в рамках закона, порой переступая их. Как бы то ни было, он частенько попадался и как раз незадолго до своего ареста у "Гордости Лондона" вышел на свободу, отбыв срок. Терпеливый Дикинсон не упускал его из вида и, разглядев отпечатки, уже не сомневался, что вскоре Гэмбл вновь попадет в его руки. Он тщательно сравнил эти отпечатки с теми, что хранились в картотеке, а затем провел небольшое секретное расследование, выясняя, чем Гэмбл был занят в ночь ограбления. Обнаружив, что тот отсутствовал дома с

десяти вечера до шести утра, Дикинсон приступил к делу. Он был одним из самых убежденных сторонников дактилоскопии и заражал своей верой других.

Упрятав Гэмбла под замок, Дикинсон был, однако, смущен его бодрым настроением. Он продолжал навещать его. Он присутствовал и когда Гэмбл предстал перед магистратом, который, хотя и не был безоголочно предан дактилоскопии, все же нашел улики достаточно убедительными, чтобы передать дело в суд. Дикинсон спустился в камеры полицейского суда*, где Гэмбл ожидал отправки в следственную тюрьму** — там ему предстояло пребывать до следующего рассмотрения его дела в Центральном уголовном суде***. Гэмбл приятельски кивнул полицейскому.

— Думаете, все чертовски хорошо идет? Так нет же! — заявил он. — Еще получите от ворот поворот, уж попомните мои слова! Кстати, когда представление? На следующей неделе? Вам, мистер Дикинсон, случаем, не известно ли, кто будет в кресле-то сидеть?

Дикинсон верил в необходимость ровного и даже добродушного обращения с преступниками: в беседах с ними он усвоил тон снисходительно-го учителя.

— Твой случай скорее всего будет разбирать судья Степлтон, — друже-

* Полицейский суд рассматривал дела о мелких преступлениях. Он прекратил свое существование в 1949 г. (Здесь и далее — прим. перев.)

** Тюрьма предварительного заключения.

*** Центральный уголовный суд (Central Criminal Court) находится в лондонском Сити и больше известен как Олд-Бейли (Old Bailey). Подробнее см. глоссарий (4).

любно ответил он. — Алиби, на которое ты постоянно намекаешь, должно быть чертовски убедительным. Что это тебя так насмешило?

Гэмбл посмеивался, словно ему пришла в голову в высшей степени забавная мысль.

Но прежде чем он ответил, непреклонные стражи увели его и вместе с другими подследственными джентльменами препроводили к распахнутым дверцам “черной мариин”*. Гэмбл удался, не переставая хихикать.

— Увидимся, мистер Дикинсон! — сказал он, уходя. — Встретимся в суде на следующей неделе! Вас ждет хорошенький сюрприз.

Это еще более усилило подозрения Дикинсона. Во время предварительного слушания Гэмбл держался странно — дерзко и высокомерно. Он даже не потрудился нанять ловкого адвоката, не раз защищавшего его перед судом и однажды уже вернувшего его друзьям и родственникам. Насмешливо улыбаясь, он выслушал показания касательно отпечатков пальцев и представленные доказательства его отсутствия дома в ночь ограбления. Когда Гэмбла спросили, что он имеет сказать по этому поводу, он ответил, что скажет все, что надо, в нужном месте и в нужное время — “и ни о чем не смолчу, вот увидите”. В общем, он был так уверен в себе, что Дикинсон даже стал сомневаться в своей правоте. Но он полагался на теорию, гласившую, что двух одинаковых отпечатков пальцев не существует, и был абсолютно уверен, что отпечатки, найденные на стакане и

кувшине мистера Тиррела, принадлежали Джеку Гэмблу.

Когда Джек Гэмбл предстал перед судьей Степлтоном в Центральном уголовном суде, против него были только показания экспертов и косвенные улики. В действительности же, как показалось по крайней мере одному из присутствующих, перед судом предстал не Гэмбл, а теория дактилоскопии. В течение часа или двух искомые отпечатки пальцев передавались между судейским креслом, скамьей присяжных и адвокатским столом. Еще пару часов эксперты высказывали свои мнения, со знанием дела опираясь на теоретические и практические выкладки таких авторитетов, как Бертильон, Гершель, Гальтон и Генри**. А Гэмбл сидел на скамье подсудимых, — предполагая, что рассмотрение дела может затянуться, ему любезно разрешили присесть, — и следил за происходящим со скучающе-насмешливым видом.

Он снова заявил о своей невиновности и снова отказался от того, чтобы кто-либо выступал в суде от его имени. Однако он весьма живо спросил, может ли он давать показания от своего собственного имени и может ли вызвать свидетеля, и, услышав, что это возможно — о чем он был прекрасно осведомлен. — улыбнулся и насмешливо подмигнул сержанту уголовной полиции Дикинсону.

** Здесь перечислены те, кто совершил прорыв в деле точной идентификации преступников. Альфонс Бертильон (1853–1914) придумал систему антропометрической идентификации (бертильонаж), Уильям Гершель (1833–1917), Фрэнсис Гальтон (1822–1911) и Эдвард Генри (1850–1931) заложили основы дактилоскопии. Подробнее см. комментарий, стр. 687–690.

* См. глоссарий (5).

Изложение обвинения наконец закончилось. Каждый специалист подтвердил под присягой, что отпечатки пальцев на собственности мистера Тиррела были, по их экспертному мнению, идентичны отпечаткам пальцев заключенного, хранящимся в картотеке. Были приведены доказательства того, что на протяжении тех часов, когда было совершено ограбление, Гэмбла не было дома.

Доказательства были, пожалуй, не слишком убедительными: украденные вещи не были найдены и ни единого предмета из них не обнаружили в квартире обвиняемого. Не было и свидетельств о том, что в соответствующий период времени он продавал какие-либо ценные предметы. Но, хотя в суде об этом и не говорили в открытую, уважая строгие принципы британского правосудия, рассматривающего дело исключительно по существу, все, включая судью и теоретически несведущих присяжных, знали, что Гэмбл был таким же специалистом в своей сфере, как дактилоскописты — в своей. Все присутствовавшие в суде полагали, что его осудят и вновь отправят на каторжные работы.

Все, кроме Дикинсона. Дав показания, он уселся в углу и угрюмо и подозрительно наблюдал оттуда за человеком на скамье подсудимых.

Дикинсону не нравилось, как держался Гэмбл. Он выглядел слишком безразличным, слишком скучающим, слишком высокомерным. Он напомнил Дикинсону игрока, у которого на руках все тузы и еще кое-что припрятано в рукаве.

Когда Гэмбла вызвали и он с улыбкой направился к трибуне для дачи свидетельских показаний, Дикинсон ощутил легкую тошноту; ему хотелось изобличить Гэмбла, но он чувствовал, что тот собирается положить конец происходящему здесь. Но как?

Гэмбл принес присягу столь благочестиво, как будто всю жизнь только тем и занимался, что проводил религиозные обряды. Возможно, он действительно ощутил торжественность момента. В любом случае перед судьей, наблюдавшим за ним с любопытством, он предстал с необычайно благочестивым выражением лица.

— Милорд, раз у меня нет адвоката, могу я рассказать все сам? — обратился Гэмбл к судье. — Я дал присягу, милорд.

— Конечно, рассказывайте как можете, — ответил его светлость. — Вы отдаете себе отчет, что сторона обвинения имеет право задавать вам вопросы на основе услышанного?

— Вполне отдаю, милорд, — с готовностью ответил Гэмбл и улыбнулся сидящим перед ним барристерам. — Я готов ответить на все вопросы любого из этих джентльменов — или на ваши, милорд, — которые могут прийти к ним в голову — или к вам, милорд.

Он сделал паузу и улыбнулся двенадцати присяжным, раскрывшим рты от изумления.

— Что ж, милорд и господа присяжные, что я имею сказать по поводу этого обвинения, так это то, что у меня есть алиби! Я собираюсь доказать это алиби, а когда я его докажу, то ожидаю, что меня отпустят, и никак иначе. Отпечатки, не отпечат-

что двадцать первого ноября я якобы вломился в тот дом на Авеню-роуд в Сент-Джонс-Вуд, и случилось это, по свидетельствам, между десятью вечера двадцатого ноября и шестью

*Последнее слово
Гэмбл произнес театральным
шепотом, и судья вздрогнул и устремил
на него пристальный взгляд.*

ки — в ночь ограбления я не подошел к Сент-Джонс-Вуд ближе, чем на шесть миль. А почему? Да потому, что был кое-где еще!

Гэмбл не раз участвовал в заседаниях уголовного суда как главный герой или же как заинтересованный зритель и прекрасно отдавал себе отчет в важности драматической паузы, каковую он и сделал, наклоняясь к барьеру трибуны и спокойно, торжественно улыбаясь. Внезапно он выпрямился и заговорил, загибая короткие и толстые пальцы.

— Начнем, джентльмены, — произнес он. — Меня обвиняют в том,

утра. Джентльмены, с десяти часов вечера двадцатого ноября и по половине шестого следующего утра я был в Уимблдоне.

Последнее слово Гэмбл произнес театральным шепотом, и судья вздрогнул и устремил на него пристальный взгляд.

— Где, говорите, вы были? — спросил он, нагибаясь в сторону обвиняемого.

— В Уимблдоне, где изволит проживать ваша светлость, — с готовностью пояснил Гэмбл.

Судья снова вздрогнул и нахмурился. Он в самом деле проживал в

Уимблдоне, в довольно старом доме, стоящем на общинных землях*, и, судя по всему, его не слишком обрадовало сообщение о том, что мистер Джон Гэмбл побывал в этой респектабельной округе.

— Продолжайте, — сказал он резко. — Вы говорили...

— ...что был в Уимблдоне, милорд, — ответил Гэмбл, улыбнувшись Дикин-сону, сидевшему в углу. — Некоторое время в Уимблдоне, а некоторое — в Уимблдон-Коммон**. И, джентльмены, — продолжил он, драматически поворачиваясь к ложе присяжных, — что же я там делал? Джентльмены, я здесь, чтобы говорить всю правду, только правду, и ничего, кроме правды, так что буду говорить начистоту. Я был там с незаконным намерением, которое мне так и не удалось осуществить.

Гэмбл неожиданно умолк, делая очередную эффектную паузу, чтобы аудитория могла осмыслить услышанное. Внезапно он указал пальцем на председателя присяжных, толстого мужчину с глазами навывкате, и продолжил свою речь:

— Заметьте! Я собираюсь оговорить себя, чтобы очиститься от данного обвинения. Не буду отрицать, это было бы бессмысленно, я уже попадал в подобные неприятности. И последствия одной из них сказывались на мне вплоть до прошлого октября. И я себе сказал: все, завязываю,

* *Общинные земли (common)* — неразделенная земля, принадлежащая всем членам общины (жителям района или округа); в современных условиях коммон часто представляет собой что-то вроде неогороженного парка.

** *Уимблдон-Коммон* — одна из трех частей района Уимблдон на юго-западе Лондона.

оно того не стоит. Но где-то семнадцатого или восемнадцатого ноября — в дате не уверен — мы встретились с одним товарищем, который знает, что я мастак в своем ремесле, на улице Лонг-Акр — одно дельце у меня там было с лошадьми. Ну он мне и говорит, доверительно так, мол, Джек, мальчик мой, ежели тебе нужна работенка на одного, то будь я проклят, ежели я тебе не собираюсь сейчас кое-что присоветовать. А я его спрашиваю, что это за работа, потому что я сейчас работы не ищу, но, дескать, ежели это что несложное, то можно. А он и отвечает, что, мол, это дельце можно обстригать, даже стоя на голове. И спрашивает меня, знаю ли я, что он живет в Уимблдоне. Конечно, говорю, знаю. Ну вот, говорит он, а в Уимблдон-Коммон есть один милый домик, в котором живет старикан, с которым я мог встречаться по рабочим вопросам. То есть, значит, господин судья Степлтон.

Господин судья Степлтон, который к этому моменту уже несколько минут беспокойно ерзал, повернул к Гэмблу свое изрядно покрасневшее лицо.

— Я надеюсь, вы не вздумали шутить с судом, обвиняемый? — спросил он с кислой миной. — В существующих обстоятельствах вы можете рассчитывать на некоторое снисхождение, но...

— Это все святая правда, милорд, — успокаивающе ответил Гэмбл. — Ваша светлость все поймет через минуту — мне никак иначе все не рассказать, милорд. Так вот, — продолжил он, и судья, придав своему лицу выражение кротости, наклонился вперед. — Так вот, джентльмены, вот

что мне рассказал мой товарищ — я бы не хотел называть его имя или адрес или вызывать его сюда, если на то не будет особой необходимости. Он сказал, что господин судья Степлтон из тех ребят, что не закрывают ставни на ночь, и что он не раз проходил мимо окна его столовой, когда там горел свет, и видел, как подкрепляется его светлость. И буфет там, говорит он, просто ломится от золотых и серебряных кубков и тарелок и всего такого прочего. Я так понимаю, говорит он, что в молодости его светлость был вроде как атлетом и наполучал кучу призов, а потом еще больше навыйгрывал в стипль-чезе*. В общем, говорит он, в этом буфете куча всякого добра, ради которого стоило бы нанести старику визит.

Что ж, джентльмены, природа есть природа, и я это слышу и думаю: ежели подъехать в Уимблдон-Коммон и, так сказать, произвести разведку, вреда же не будет, так ведь? И вот в девять вечера двадцатого ноября — обратите внимание на дату, джентльмены! — я отправился в Уимблдон и встретился там со своим товарищем, и мы прогулялись рядом с домом вашей светлости.

Гэмбл внезапно повернулся к судье. Все присутствующие в зале сделали то же самое. Было очевидно, что Степлтон не столько раздражен, как озадачен. Его взгляд был одновременно испытующим и полным любопытства. Мгновение казалось, что он хочет что-то сказать, но вместо этого он сделал обвиняемому знак продол-

жать. Гэмбл улыбнулся и продолжил свой рассказ.

— Так вот, джентльмены, тогда мой товарищ — достойный джентльмен! — сказал, что дом его светлости стоит недалеко от дороги со стороны общинных земель. Окна его столовой выходят на дорогу. И, как и говорил мой товарищ, ставни не были закрыты, и мы видели все, что происходит внутри. Теперь я прошу особого внимания его светлости к моим словам. Комната была вся освещена электричеством, в большом камине горел славный огонь. В глубине комнаты стоял буфет черного дуба, весь набитый золотой и серебряной посудой — подносы, кубки, вазы и тому подобное, и все это дивно сверкало на свету. Трое человек сидели в креслах перед огнем. Возможно, его светлость сочтет нужным обратить внимание на их описание. Одним из них был сам его светлость, в вечерней одежде. — его описывать мне нет нужды. Второй была леди — супруга его светлости, как я понял, — она сидела и вязала и напомнила мне мою матушку, джентльмены, уж так она мирно выглядела. А третий...

Степлтон слегка подался вперед в сторону обвиняемого и нетерпеливо ожидал следующих его слов. Прежде чем продолжать, Гэмбл бросил на него быстрый взгляд.

— Третий, — сказал он, — был высокий благообразный старый джентльмен, иностранец, похоже, с острой белой бородкой и вощеными усами. Он сидел между ними и курил большую сигару. Он тоже был одет по-вечернему, а на шее у него была повязана красная ленточка с какой-

* *Стипль-чез* (steeplechase) — скачка с препятствиями, чрезвычайно популярное в Англии состязание.

то звездой или медалью. Очень мирно они выглядели со своими сигарами и стаканами.

Степлтон, непонимающе взглянув на барристеров, снова выпрямился и, погрузив руку куда-то во внутренний карман, скрытый в складках мантии, вытащил записную книжку. Гэмбл умолк, но кивок судейского парика побудил его продолжить.

— Ну так вот, джентльмены, — произнес он, одобрительно оглядывая толстого председателя. — Мы с моим товарищем увидели все это и пошли себе пропустить по паре стаканчиков, а потом направились к нему домой и поужинали. А потом он спросил меня, что я думаю об этой работе — дело, мол, плевое, особенно для джентль-

мена с моими способностями. Может быть, говорю я, но мне бы хотелось еще разок прогуляться по окрестностям, когда все стихнет. Просто чтобы освоиться. А он говорит, что, во всяком случае, ни кошек, ни собак дома нет. Его светлость, мол, их терпеть не может. Как по мне, кошки значения не имеют — мне не раз приходилось работать в присутствии пары кошек, и они вроде бы даже с интересом за мной наблюдали. Но собаки — это, конечно, другое дело. Так ты уверен, спрашиваю, что там нет собак? Ни единой, говорит. Вот лошадей его светлость любит, а собаки ему нипочем не нужны. Ну отлично, говорю. Тогда давай-ка, говорю, посидим еще, а после полуночи я схожу на разведку.

OH! GIVE HIM AN ALLENBURYS PASTILLE

To prevent this take

You MAY GET HUSKINESS IN THE THROAT AT THE MOST AWKWARD MOMENT

Your Chemist stocks them In tins

2 oz. 8d. 8 oz. 2/3
4 oz. 1/3 1 lb. 4/3

Allenburys
Glycerine & Black Currant **PASTILLES**

Не то чтобы, говорю, я собирался работать прямо сегодня, но на двери и окна взглянуть надо. Так что мы еще промочили глотки, поговорили о том о сем, и в половину первого я пошел обратно, прошел тем удобным лесочком, чтобы взглянуть на дом его светлости в темноте.

Тем временем судья Степлтон сверился с какими-то записями в своей книжечке и захлопнул ее. Теперь он сидел, оперевшись подбородком на руку, испытующе смотрел на Гэмбла, и видно было: все, что он слышит, его изрядно развлекает. Так он и наблюдал за тем, как обвиняемый с готовностью излагает свою историю, а тот продолжил свое чистосердечное повествование, словно бы подмигнув присяжным.

— Итак, джентльмены, — и он перешел через трибуну, словно желая поверить некую тайну всем присутствующим в суде, — вы видите, что я с вами честен, раз уж сам выдаю себя! Ведь когда я вошел в сад его светлости, я очутился там, где мне не следовало бы находиться, и к тому же с намерением совершить тяжкое преступление. Правда, я не собирался совершать его прямо тогда, может, через пару вечеров. Я просто хотел оглядеться. Ну я и огляделся — со всеми предосторожностями. Я взглянул на двери и окна — спереди, сзади и с боков дома. Выяснил, что там нет никаких чертовых собак, и пошел осторожно взглянуть на окна в столовую, где в буфете были расставлены тарелки. И пока я, тихо как мышонок, сидел там, в комнате внезапно вспыхнул свет, и вошел его светлость, держа в руке свечу из спальни. И чтобы

доказать вам и ему, что я его видел, я скажу, что на нем была пижама в розовую и белую полоску, а горло его было замотано белой шалью. И как, спрашивается, уважаемые джентльмены и ваша светлость, я мог бы это все увидеть, если бы меня там не было?

За этим последовала еще одна драматическая пауза, во время которой Гэмбл спокойно и пренебрежительно взглянул на Дикинсона. В гробовой тишине он продолжил:

— И более того, джентльмены! Секундой позже пришел второй джентльмен. Тот самый, с острой бородкой и вощеными усами. На нем был ярко-красный халат с черным поясом. У него тоже в руках была свеча, и я понял, что их обоих разбудило нечто, о чем я не имел ни малейшего понятия, так как сам я не издавал ни звука и всего лишь смотрел в окно. Они немножко поговорили друг с другом, затем его светлость ушел в залу и тут же вернулся в большом пальто и с фонарем. И тогда, джентльмены, я свалил оттуда, выбрался из сада и укрылся между деревьями на другой стороне дороги. Минуты через две пришел полисмен, и я услышал, как его светлость обращается нему с порога, и пошел себе оттуда через общинные земли и домой к моему товарищу. Там я сидел, пока не начали ходить рабочие поезда*, после чего уехал в Лондон. И вот он я, и я вопрошаю всех присутствующих: как я мог побывать этой ночью на Авеню-роуд, если я был в Уимблдоне, во многих ми-

* С 1883 г. специальные поезда функционировали в утренние часы, чтобы рабочие могли добраться до заводов и фабрик.

лях оттуда? И я прошу его светлость, как джентльмена, подтвердить мои слова, поскольку он может их подтвердить!

Внимание присутствующих в суде переключилось с обвиняемого на судью. Каждый взгляд был устремлен на господина судью Степлтона. Он медленно выпрямился и взглянул поверх очков сначала на Гэмбла, а затем — на обвинителя.

— Это, безусловно, весьма знаменательное утверждение со стороны подсудимого, — начал он. — Я в весьма любопытном положении. Меня просят одновременно выступить в роли свидетеля и судьи. Если бы это дело разбирал один из моих коллег, обвиняемый, видимо, представил бы ту же позицию защиты и вызвал бы меня в качестве своего свидетеля. Я в некотором затруднении, но тем не менее я подтверждаю, что сказанное обвиняемым является правдой. В самом деле, я всю жизнь питаю некоторое предубеждение — признаю, это довольно глупо — против использования ставень и занавесок. Правда и то, что в буфете у меня хранится изрядное количество золотой и серебряной посуды, и по вечерам, если комната освещена, все это, вероятно, можно разглядеть с дороги. В данном случае я не придаю большого значения этим подробностям — заключенный мог выяснить их в любое время. Но, — и его светлость взял свою маленькую книжечку, — не могу не подтвердить, что упомянутые события действительно произошли в моем доме в ночь с двадцатого на двадцать первое ноября и в точности так, как описал их обвиняемый. В тот вечер у меня ужи-

нали и ночевал старый друг, меcье Поль Лавонье, знаменитый французский ученый. Выглядел он именно так, как рассказал заключенный, — на нем был воротничок и богато украшенная звезда. Примерно в час ночи мне действительно послышался какой-то звук в саду, и я спустился в столовую, будучи одетым именно так, как описал обвиняемый. Вместе со мной спустился меcье Лавонье, одетый в полном соответствии с описанием. Я действительно набросил пальто, зажег фонарь, который храню в холле, открыл парадную дверь и позвал проходящего мимо констебля. Тот осмотрел сад и не увидел ничего подозрительного. И по правде сказать, — продолжал его светлость с понимающей и веселой улыбкой, — я не думаю, чтобы человек, той ночью ставший свидетелем описанных событий в моем доме в Уимблдон-Коммон, мог в то же время совершить ограбление на севере Лондона. Возможно, он покинул Уимблдон сразу после того, как его спугнули в моем доме, в час ночи или около того, и направился на Авеню-роуд. Но как вы помните, господа присяжные, согласно показаниям мистера Тиррела, он лег в два часа ночи и проспал всего два часа, так как ему надо было успеть на поезд, отправляющийся с вокзала Кингс-Кросс. Таким образом, ограбление произошло между двумя и четырьмя часами ночи. В этот промежуток нет ни одного поезда из Уимблдона в город, и представляется невероятным, что обвиняемый мог бы до четырех утра преодолеть многомильный путь от моего дома, где он определенно был около половины второго, до Авеню-

роуд. В данный момент я неофициально подтверждаю показания обвиняемого — в этой исключительной ситуации у меня нет другого выхода. Таким образом, обвинение базируется исключительно на отпечатках пальцев, и по этому вопросу я выскажусь чуть позже.

Судья взглянул на обвинителя:

— Есть ли у вас вопросы?

— Да, ваша светлость, — ответил ошеломленный барристер и повернулся к Гэмблу: — Почему вы не рассказали все это раньше?

— Потому что хотел рассказать все здесь, — парировал Гэмбл.

— Знали ли вы, что это дело будет разбирать его светлость?

— Нет, пока Дикинсон мне не сказал, когда меня передали суду, — ответил Гэмбл, указывая на детектива.

— Вы собирались вызвать его светлость в качестве свидетеля?

— А вы как думаете! — ухмыльнулся Гэмбл. — Еще бы.

— Почему вы не вызвали сюда вашего товарища из Уимблдона?

— Что? — воскликнул Гэмбл. — Выдать его за то, что он предложил мне работу? Нет уж, он весьма уважаемый человек, у него там магазинчик.

— Вы могли бы и не указывать, что этот уважаемый владелец магазина предложил вам работу! Вы могли бы вызвать его, чтобы он подтвердил, что большую часть ночи вы провели с ним в Уимблдоне, без объяснения причин. Чем еще вы можете доказать, что были в Уимблдоне?

Гэмбл, усмехнувшись, полез в карман своего жилета. После усиленных поисков где-то за подкладкой он вынул бумажку и передал ее судье.

— Вот! — произнес он. — Билет из Уимблдона до Ватерлоо. Контролеры его не забрали, а я не выбросил. Взгляните-ка на дату.

После некоторой консультации между судьей и стороной обвинения его светлость снял очки, неторопливо повернулся к присяжным и завел беседу об отпечатках пальцев. А Дикинсон тем временем хмурился и толкал своего коллегу, сидящего рядом, — он знал, что господин судья Степлтон весьма скептически относится к данной теории, не раз язвительно отзывался о ее приверженцах. Нетрудно было предположить, чем все закончится. Присяжные огласили вердикт “невиновен”, и Гэмбл сошел со скамьи подсудимых свободным человеком. Он нашел Дикинсона и широко ухмыльнулся.

— Что я вам говорил, господин Умник? — Он скорчил рожу детективу. — Говорил я вам, что в этот раз вы сели в лужу?

— Умник здесь ты, — ответил Дикинсон. — Ты обвел вокруг пальца меня и всех остальных. Я бы не отказался дать тебе пятерку, чтобы узнать, как все было на самом деле.

Но Гэмбл лишь скорчил очередную рожу и отправился за вождеденной выпивкой.

Дикинсон был уверен, что Гэмбл каким-то образом одурачил суд и на самом деле именно он — виновник случившегося на Авеню-роуд. Но как Гэмблу удалось все это проверить, он не понимал. Еще какое-то время детектив приглядывал за ним, и каждый раз при встрече Гэмбл насмешливо подмигивал ему. Гэмбл радовался не произошедшему эпизоду,

а тому, что он завязал и Дикинсон теперь не сможет к нему прицепиться. Как бы пристально Дикинсон ни наблюдал за Гэмблом, ему не удавалось выяснить ничего нового.

Внезапно Гэмбл исчез с горизонта. Его не видели в обычных местах, он пропал бесследно. Когда с момента его исчезновения прошло уже некоторое время, до Дикинсона дошли первые сведения о нем, исходившие от одного из тех странных людей, что кружат между преступниками и их ловцами и, не принадлежа ни к одному из этих кругов, не обладают даже и той честью, что существует в воровском обществе. Этот человек, беседуя с Дикинсоном, внезапно свернул на интересовавший его предмет.

— В последнее время не слышали о Джеке Гэмбле, так ведь? — спросил он. — И не услышите. Он начал с чистого листа и свалил в Австралию с товарищем, лошаадьми торговать. Все по-честному.

— Вот и все, — заметил Дикинсон.

— Вот и все, — подтвердил его собеседник и рассмеялся, как будто от удовольствия. — Хорошо он вас провёл с этим дельцем с Авеню-роуд, а? Были, конечно, люди, которые знали,

как все произошло, — я, например. Раз уж теперь старина Джек на другой стороне Земли, я вам, пожалуй, расскажу все по секрету. Дело было так. Когда Джек вернулся с последней отсидки, они с одним парнем стали приглядываться, чего бы такого грабануть. Одним из вариантов был дом на Авеню-роуд, другим — дом судьи в Уимблдон-Коммон. Они договорились, что возьмут их одновременно. Джек был на Авеню-роуд, другой направился в Уимблдон, и у него там ничего не вышло. Это с ним произошло все то, о чем Джек говорил в суде! На следующий день он все подробно рассказал Джеку, дал ему тот билет, и они сговорились, что если одного из них возьмут за дело на Авеню-роуд, он использует Уимблдон как алиби. Взяли Джека, и он рассказал все, что было с тем парнем, как будто это произошло с ним — память-то у него хорошая. Все просто, да, мистер Дикинсон?

Мистер Дикинсон сухо ответил, что всегда полагал Джека Гэмбла умным малым, и отправился к господину судье Степлтону, чтобы пополнить копилку знаний этого ученого джентльмена.

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ **ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО ДЕТЕКТИВА**

Главный редактор Варвара Горностаева
Художники Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев
Ведущий редактор Ирина Кузнецова
Редакторы Александра Борисенко, Игорь Мокин
Ответственный за выпуск Мария Косова
Технический редактор Татьяна Тимошина
Корректор Наталия Усольцева

ООО "Издательство Астрель",
обладатель товарного знака "Издательство Corpus"
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, 3а

Подписано в печать 15.05.2012. Формат 70x100 1/16
Бумага офсетная. Гарнитуры "BookmanС" и "FranklinGothicС"
Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,5
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 3659/12.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение
всей книги или любой ее части воспрещается без письменного
разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ООО "ИПК Парето-Принт"
г. Тверь, www.pareto-print.ru

По вопросам оптовой покупки книг
Издательской группы "АСТ" обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж
Тел.: (495) 615-01-01, 232-17-16

9 785271 385339

